

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2022-4-2-7-17>

ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ САМОЗАЩИТЫ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Я.Ю. Хлопотунов

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

(Тула, Россия)

yktula17@gmail.com

Аннотация: Целью настоящей статьи является изучение языковых приемов реализации коммуникативной стратегии самозащиты как одной из конфронтационных коммуникативных стратегий американского политического дискурса. Актуальность исследования обусловлена трансформацией современной американской политической риторики, следствием чего является интенсификация конвенционально-деструктивных элементов в американской политической риторике и преобладание в политической речи единиц субъективно-отрицательной модальности. В свою очередь, коммуникативная стратегия самозащиты позволяет коммуниканту отвести от себя отрицательную информацию и перейти от оборонительной позиции к нападению. Автор анализирует различные тактические способы реализации коммуникативной стратегии самозащиты, к которым можно отнести оправдание, оспаривание, ответную критику (контробвинение), возмущение и противопоставление. Они включают в себя ряд речевых средств (лексические единицы с отрицательной оценкой, дейктические конструкции, разговорные слова, лексические повторы, личные местоимения, градацию и т.д.). Кроме того, в настоящей статье рассмотрены коммуникативные роли участников речевого акта конфронтации. Так, можно выделить следующие модели речевого поведения: наступление (атаку, провокацию), оборону (самозащиту, реакцию на провокацию) и оценку (на основании наблюдения за конфликтом). Благодаря реализации коммуникативной стратегии самозащиты, возможен переход коммуниканта от обороны к наступлению.

Ключевые слова: конфронтационные коммуникативные стратегии, функциональная лингвистика, политический дискурс, речевые тактики, речевые средства, прагмалингвистика.

Для цитирования: Хлопотунов Я.Ю. (2022). Языковые приемы реализации коммуникативной стратегии самозащиты в американском политическом дискурсе. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 4(2), С. 7–17. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2022-4-2-7-17>

1. ВВЕДЕНИЕ

Под американским политическим дискурсом мы понимаем национально-институциональный подвид политического дискурса, включающий в себя следующие лингвистические и экстралингвистические особенности: утверждающий и побуждающий характеры, диалогичность и интерактивность, декларативность, ситуативность, агональность, прагматичность и персуазивность [Забело, 2011; Левенкова, 2010; Шейгал, 2000]. В течение последних десяти лет мы можем наблюдать значительные изменения в американской политической риторике, усиление агрессивно-деструктивной составляющей в речи американских политиков, постепенный отход от установленных конвенциональных норм и ориентации на кооперативное взаимодействие. Яркими примерами стали последние две президентские кампании, охарактеризовавшиеся столкновениями не просто разных политических сил, но также морально-нравственных ценностных установок коммуникантов. Так, речевое поведение одного из кандидатов на пост президента США Дональда Трампа отличилось нехарактерными для толерантного американского политического дискурса расово-гендерными высказываниями, дискредитировавшими отдельные национальности и гендеры [Хлопотунов, Храмченко, 2020; Хлопотунов, 2019].

Коммуникативной стратегией является некоторая совокупность речевых тактик, которые используются субъектом речи для реализации определенных целей (интенций) исходя из сложившихся коммуникативных ситуаций [Иссерс, 1999]. В зависимости от коммуникативных намерений адресанта, имплицитно или эксплицитно выражаемых в речи, выбирается та или иная стратегия взаимодействия с другим участником коммуникации [Чернявская, 2006]. Исходя из этого выделяются коммуникативные стратегии кооперации и конфронтации. Если целью стратегий первого типа является достижение определенного взаимодействия и сотрудничества между участниками речевого взаимодействия, то при конфронтации установками коммуниканта являются лидерство, эгоцентризм и желание выстроить иерархию социальных отношений вокруг себя.

В зависимости от намерений коммуниканта можно определить следующие конфронтационные коммуникативные стратегии: стратегию дискредитации, стратегию подчинения и убеждения, стратегию захвата инициативы и контроля над ситуацией и стратегию самозащиты. Для каждой из выделенных нами стратегий характерен определенный набор речевых тактик, целевых установок и лингвостилистических средств.

Характерной особенностью коммуникативной стратегии самозащиты является то, что она сочетает тактические средства и лингвостилистический инструментарий других речевых стратегий конфронтации, но использует их для реализации иных прагматических интенций [Тютюнова, 2008]. Задачами коммуниканта в случае реализации коммуникативной стратегии самозащиты становится отведение от себя дискредитирующих заявлений, сопротивление попыткам захватить инициативу в речевом взаимодействии и контролировать ситуацию общения, отказ подчиниться требованиям другого участника коммуникации, а также перевод негативной информации вокруг себя в положительное русло и переход к речевой атаке на политического соперника.

Целью исследования является изучение тактических способов реализации коммуникативной стратегии самозащиты в американском политическом дискурсе. В соответствии с поставленной целью в статье решаются следующие задачи:

- на материале политических речей американских деятелей выделяется лингвостилистический инструментарий способов отведения коммуникантом от себя негативной оценки;
- выделяются основные виды речевой тактики самозащиты и особенности их применения в американской политической риторике;
- подробно рассматриваются роли участников коммуникативного акта самозащиты в ситуации речевой конфронтации.

2. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье рассматриваются функционально-прагматические особенности речевого акта самозащиты в конфронтационных коммуникативных стратегиях американского политического дискурса. Анализ языковых способов тактической реализации целевых установок в институциональном дискурсе позволяет выявить интенциональные и морально-ценностные установки коммуниканта, а также рассмотреть лингвистические и экстралингвистические особенности применения данной стратегии самозащиты в конфликтной речевой ситуации.

Эмпирическим материалом исследования являются фрагменты речей известных американских политиков. В результате функционально-прагматического анализа были установлены основные способы тактической реализации конфронтационной стратегии самозащиты в американском политическом дискурсе.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Можно выделить следующих участников коммуникативного акта конфронтации: субъекта высказывания (провокатора), активного участника конфликта (жертву) и пассивных наблюдателей (аудиторию). Во время речевого взаимодействия участники коммуникации выбирают для себя одну из ролей и в соответствии с ней применяют одну из моделей речевого поведения: наступление (атаку, провокацию), оборону (самозащиту, реакцию на провокацию) и оценку (на основании наблюдения за конфликтом). В некоторых видах институционального дискурса, например в юридическом дискурсе, данные роли закреплены за участниками коммуникации (прокурор как наступающий, адвокат и подсудимый как обороняющиеся и судья и присяжные как оценивающие). Особенностью политического дискурса является то, что участники коммуникации могут менять роль в зависимости от ситуации (во время дебатов, встречи с избирателями и т.п.). В качестве способов наступления можно выделить тактические приемы стратегии дискредитации, подчинения и убеждения. Целью данных стратегий является уязвление оппонента, подчинение его воли, склонение к определенным действиям [Хлопотунов, 2020]. В свою очередь, реакцией на речевую атаку становятся тактические приемы стратегии самозащиты.

Стратегией самозащиты является совокупность речевых действий коммуниканта, направленных на опровержение обвинений в свой адрес, отвод от себя негативной или агрессивной информации и смягчение ответственности за совершенные проступки или преступления [Тютюнова, 2008]. В качестве цели данной стратегии можно выделить стремление защитить себя, оспорить выдвинутые обвинения (примеры 1–3):

(1) OBAMA: Nothing Governor Romney just said is true, starting with this notion of me apologizing. This has been probably the biggest whopper that's been told during the course of this campaign. And every fact checker and every reporter who's looked at it, Governor, has said

this is not true (Transcript of the third debate between President Obama and Republican nominee Mitt Romney, 22.10.2012)/ ОБАМА: Ничего из того, что сказал губернатор Ромни, не является правдой, начиная с замечания о том, чтобы я извинился. Это, наверное, самая большая и наглая ложь, сказанная за время этой кампании. И любой фактчекер и любой репортер, который взглянул на это, губернатор, уже сказал, что это неправда (здесь и далее перевод наш – Я. Х.).

(2) Q: Mr. President, in the year 2000, President Clinton got a request from Kim Jong Il. You got the request and right away went here to meet him. Do you understand those people who said you gave him the ultimate present? The legitimacy to a people who oppresses its people before you as a United States president and leader of the free world meet and shake hands with this leader of North Korea which is oppressing his own people?

TRUMP: I think we just answered the question.

Q: Do you understand?

TRUMP: I understand it much better than you do. Thank you very much (Vox, 12.06.2018)/

В: Господин президент, в 2000 году президент Клинтон получил запрос от Ким Чен Ира. Вы получили запрос и сразу же прибыли сюда на встречу с ним. Вы же понимаете тех людей, которые сказали, что вы сделали для него идеальный подарок? Встретившись с лидером Северной Кореи и пожав ему руку, подтвердили ли вы легитимность режима, занимающегося репрессиями против собственного народа?

ТРАМП: Я думаю, мы уже отвечали на этот вопрос.

В: Вы это осознали?

ТРАМП: Я осознаю это намного лучше, чем вы. Спасибо большое.

(3) TRUMP: I don't think you understood what was — this was locker room talk. I'm not proud of it. I apologize to my family. I apologize to the American people. Certainly I'm not proud of it. But this is locker room talk (The second Trump-Clinton presidential debate. The New York Times, 10.10.2016)/

ТРАМП: Я думаю, что вы не совсем понимаете суть – это был разговор за закрытыми дверями. Я приношу извинения своей семье. Я приношу извинения американскому народу. Определенно, я не горжусь этим. Но это был разговор за закрытыми дверями.

Фрагмент (1) взят из предвыборных дебатов между Бараком Обамой и Миттом Ромни. В нем Обама отвечает на выдвинутые Ромни обвинения в недостаточно суровой политике по отношению к Ирану и желании угодить лидерам стран-противников США. Использование отрицательного местоимения *nothing* и абстрактной лексемы *true* позволяет опровергнуть все дискредитирующие заявления политического противника. Обама указывает на исходную точку, с которой начинаются обвинения М. Ромни, с помощью причастия *starting*. Кроме того, адресант использует превосходную форму прилагательного *big* и разговорную лексическую единицу *whopper*, чтобы подчеркнуть огромный масштаб недостоверной информации. Аппелляция к неким фактчекерам и репортерам с помощью словосочетаний *every fact checker and every reporter* указывает на наличие возможности проверить ложность сведений М. Ромни, а также позволяет репрезентовать Б. Обаму как уверенного и надежного в своих словах коммуниканта. Соответственно, адресант переходит от стратегии самозащиты к стратегии дискредитации, отвечая тем самым на нападки оппонента.

Фрагмент (2) представляет собой пресс-конференцию президента США Дональда Трампа. В нем он отводит от себя негативную информацию журналиста, пытающегося дискредитировать саммит между Америкой и Северной Кореей, репрезентованный администрацией Белого Дома в качестве большой дипломатической победы американского лидера. Д. Трамп

уходит от ответа, используя дейктические конструкции, указывающие на неактуальность данного диалога (*I think we just answered the question, I understand it much better than you do*). В свою очередь, журналист с помощью повтора и эллипсиса пытается призвать президента ответить на данный вопрос (*Do you understand?*). В ответ на это Д. Трамп использует этикетную конструкцию и тем самым завершает неприятный для него разговор, избегая уточняющих вопросов (*Thank you very much*). Таким образом, с помощью стратегии самозащиты президент США пресекает провокацию журналиста.

Фрагмент (3) взят из предвыборных дебатов между Дональдом Трампом и Хиллари Клинтон. В нем Д. Трамп отвечает на вопрос избирателя, пытаясь смягчить вину за свои сексистские высказывания. Уточняющая конструкция в первом предложении позволяет коммуниканту указать на неполноту контекста его выражений, дошедших до общественности (*this was locker room talk*). Лексический повтор словосочетания *locker room talk* дает возможность охарактеризовать заявления Д. Трампа как непредназначенные для публики, имеющие интимный характер. Кроме того, коммуникант использует несколько раз личное местоимение *I*, чтобы подчеркнуть индивидуальность принятого им решения извиниться, отсутствие давления со стороны его предвыборного штаба, а градация *my family – the American people* указывает на единение семьи кандидата в президенты с американским народом, объединение личных и общественных категорий в его сознании. Следовательно, Д. Трамп репрезентует себя как раскаявшегося человека, не ожидавшего, что его слова будут преданы огласке.

Тактическими способами реализации коммуникативной стратегии самозащиты в американском политическом дискурсе являются оправдание (1), оспаривание (2), ответная критика (контробвинение) (3), возмущение (4) и противопоставление (5) [Хлопотунов, 2020]. См., например:

(1) CLINTON: *Japan, Korea, even Saudi Arabia. He said if we have them, why don't we use them, which I think is terrifying. The bottom line on nuclear weapons is that when the president gives the order, it must be followed. There's about four minutes between the order being given and the people responsible for launching nuclear weapons to do so. And that's why 10 people who have had that awesome responsibility have come out and in an unprecedented way said they would not trust Donald Trump with the nuclear codes or to have his finger on the nuclear button.*

TRUMP: *I have 200 generals and admirals, 21 endorsing me, 21 congressional medal of honor recipients. As far as Japan and other countries, we are being ripped off by everybody — we're defending other country. We're spending a fortune doing it. They have the bargain of the century. All I said is we have to renegotiate these agreements because our country cannot afford to defend Saudi Arabia, Japan, Germany, South Korea and many other places. We cannot continue to afford. She took that as saying nuclear weapons.*

Look, she's been proven to be a liar on so many different ways. This is just another lie (Time, 19.10.2016)/

КЛИНТОН: Япония, Корея, даже Саудовская Аравия. Он говорит, что если мы имеем их поддержку, то почему же мы не используем их, что я считаю ужасным. Суть вопроса о ядерном оружии заключается в том, что когда президент отдает приказ, то ему необходимо следовать. Между отдачей приказа и тем, как люди, ответственные за запуск ядерного оружия, сделают это, проходит около четырех минут. И именно поэтому 10 человек, на которых лежала такая огромная ответственность, вышли и беспрецедентным образом заявили, что не будут доверять Дональду Трампу ядерные коды или не позволят ему держать палец на ядерной кнопке.

ТРАМП: На моей стороне 200 генералов и адмиралов, 21 из них поддерживают меня, 21 награждены медалью почета Конгресса. Что касается Японии и других стран, то нас грабят все подряд — мы защищаем другую страну. Мы тратим на это целое состояние. У них есть сделка века. Все, что я сказал, — это то, что мы должны пересмотреть эти соглашения, потому что наша страна не может позволить себе защищать Саудовскую Аравию, Японию, Германию, Южную Корею и многие другие места. Мы не можем продолжать себе это позволять. Она же восприняла это как высказывание о ядерном оружии.

Послушайте, было доказано, что она лгуня во многих отношениях. Это просто еще одна ложь.

(2) MCCAIN: (...) *I'm not prepared at this time to cut off aid to Pakistan. So I'm not prepared to threaten it, as Senator Obama apparently wants to do, as he has said that he would announce military strikes into Pakistan.*

We've got to get the support of the people of -- of Pakistan. He said that he would launch military strikes into Pakistan.

Now, you don't do that. You don't say that out loud. If you have to do things, you have to do things, and you work with the Pakistani government. (...)

ОБАМА: (...) *If John wants to disagree with this, he can let me know, that, if the United States has Al Qaida, bin Laden, top-level lieutenants in our sights, and Pakistan is unable or unwilling to act, then we should take them out.*

Now, I think that's the right strategy; I think that's the right policy (CNN, 26.09.2008)/

МАККЕЙН: (...) В настоящее время я не готов прекратить оказание помощи Пакистану. Поэтому я не готов угрожать им, как, по-видимому, хочет сделать сенатор Обама, поскольку он сказал, что объявил бы о военных ударах по Пакистану.

Мы должны заручиться поддержкой народа Пакистана. Он же сказал, что нанесет военные удары по Пакистану.

Так вот, вы не должны делать это. Вы не должны этого говорить. Если вам нужно что-то делать, то делайте, работайте с пакистанским правительством. (...)

ОБАМА: (...) Если Джон хочет с этим не согласиться, он может дать мне знать, что если Соединенные Штаты охотятся за Аль-Каидой, бен Ладеном, высокопоставленными лейтенантами, а Пакистан не может или не желает содействовать, то тогда мы должны сами уничтожить их.

Так вот, я думаю, что это правильная стратегия; я думаю, что это правильная политика.

(3) CLINTON: *We have an architect in the audience who designed one of your clubhouses at one of your golf courses. It's a beautiful facility. It immediately was put to use. And you wouldn't pay what the man needed to be paid, what he was charging you to do...*

ТРАМП: *Maybe he didn't do a good job and I was unsatisfied with his work...*

КЛИНТОН: *Well, to...*

ТРАМП: *Which our country should do, too (The first Trump-Clinton presidential debate. The Washington Post, 26.09.2016)/*

КЛИНТОН: У нас в аудитории есть архитектор, который спроектировал один из ваших клубных домов на одном из полей для гольфа. Это прекрасное заведение. И оно сразу же стало пользоваться спросом. И вы не заплатили ему столько, сколько он попросил...

ТРАМП: Может быть, он плохо справился с работой, и я был недоволен его работой...

КЛИНТОН: Ну, чтобы...

ТРАМП: Это то, что наша страна тоже должна сделать

(4) TRUMP: *If you look at Bill Clinton, far worse. Mine are words, and his was action. His was what he's done to women. There's never been anybody in the history of politics in this nation that's been so abusive to women. So you can say any way you want to say it, but Bill Clinton was abusive to women. (...)*

And I will tell you that when Hillary brings up a point like that and she talks about words that I said 11 years ago, I think it's disgraceful, and I think she should be ashamed of herself, if you want to know the truth (The second Trump-Clinton presidential debate. The New York Times, 10.10.2016)/

ТРАМП: Если вы посмотрите на Билла Клинтона, то все гораздо хуже. У меня это слова, а у него действие. Это то, что он делал с женщинами. В истории политики этой страны никогда не было никого, кто бы так жестоко обращался с женщинами. Так что вы можете говорить все, что хотите, но Билл Клинтон жестоко обращался с женщинами. (...)

И я скажу вам, что когда Хиллари поднимает подобную тему и говорит о словах, которые я сказал 11 лет назад, я думаю, что это позорно, и я думаю, что ей должно быть стыдно за себя, если вы хотите знать правду.

(5)TRUMP: *I am very underleveraged. I have a great company. I have a tremendous income. And the reason I say that is not in a braggadocios way. It's because it's about time that this country had somebody running it that has an idea about money (The first Trump-Clinton presidential debate. The Washington Post, 26.09.2016)/*

ТРАМП: У меня очень мало заемных средств. У меня отличная компания. У меня огромный доход. И причина, по которой я говорю это, не в хвастовстве. Это потому, что пришло время, чтобы этой страной управлял кто-то, у кого есть представление о деньгах.

Фрагмент (1) взят из дебатов между Дональдом Трампом и Хиллари Клинтон. Целевой установкой коммуниканта при использовании тактики оправдания служит убеждение аудитории в своей невиновности, объяснение своих действий и поступков. Для этого Дональд Трамп номинирует оппонента как лжеца (*she's been proven to be a liar*) и оправдывает себя с помощью апелляции к авторитету (*I have 200 generals and admirals, 21 endorsing me, 21 congressional medal of honor recipients*). Также благодаря личным местоимениям *we* и *they*, противопоставляющих американский народ и жителей союзных США стран, и использованию лексики, типичной для делового дискурса (*the bargain, agreements*), Д. Трамп репрезентует себя как бизнесмена, заботящегося об экономике страны (*we're spending a fortune/ we cannot continue to afford/ we have to renegotiate*). Соответственно, коммуникант отвергает обвинения в свой адрес через пояснение и аргументацию своей позиции.

Фрагмент (2) взят из предвыборных дебатов между Баракком Обамой и Джоном Маккейном. Барак Обама пытается оспорить позицию Джона Маккейна по вопросу дипломатических отношений с Пакистаном. Дж. Маккейн подчеркивает с помощью сравнительного оборота свое иное видение ситуации на Ближнем Востоке, в корне отличающееся от высказываний его политического противника (*as Senator Obama apparently wants to do*). Через побудительные конструкции *we've got to*, *you don't* и *you have to* сенатор призывает Барака Обаму пересмотреть свою риторику в отношении Пакистана, не делать громких заявлений о возможных агрессивных действиях, применимых к данной стране. В ответ будущий президент США с помощью придаточного предложения условия моделирует ситуацию, при которой конфликт с Пакистаном становится возможен, т.е. пытается убедить аудиторию в правомерности своей позиции. Б. Обама также подчеркивает, что готов продолжить дискуссию по данному вопросу, если ему не удалось убедить своего оппонента (*if John wants to disagree with this, he can let me know*). Двойной повтор прилагательного *right* и синтаксис-

ческий параллелизм в словах будущего президента направлены на то, чтобы представить его мнение как верное и оспорить заявления Дж. Маккейна, критикующие Б. Обаму. Таким образом, тактика оспаривания позволяет не только защитить респондента, но и переиграть ситуацию в свою пользу, нивелировав атаку соперника.

Во фрагменте (3) Дональд Трамп реализует тактику ответной критики, эмоционально реагируя на обвинения одного из своих бывших работников, ретранслированное через Хиллари Клинтон. Контробвинение выражено спонтанно и не содержит аргументированных позиций. Так, Д. Трамп использует наречие *maybe*, выражающее некую неуверенность в своем мнении, поскольку оно ничем не подкреплено, но при этом является контробвинением. Коммуникант перебивает оппонента и пытается перевести русло беседы к обсуждению проблемы халатности на рабочем месте. Следовательно, своей ответной критикой Д. Трамп пытается дискредитировать обвинителя, указать на его нечестность и несправедливость.

Во фрагменте (4) Дональд Трамп реализует тактику возмущения, апеллируя к этическому поведению оппонента и защищая себя от его нападок. Через оппозицию *words– action* коммуникант отводит от себя негативную информацию и с помощью категоричных оценок и определений с негативной семантикой акцентирует внимание на лицемерии и неправомерности заявлений оппонента, возмущаясь нападками в свой адрес (*there's never been anybody in the history of politics, you can say any way you want to say it, disgraceful, ashamed*).

Во фрагменте (5) Д. Трамп реализует тактику противопоставления, репрезентуя свои положительные качества и совмещая в едином высказывании тактики анализ-«минус» и анализ-«плюс». Коммуникант демонстрирует свои достижения в бизнесе, используя лексику из экономической сферы (*underleveraged, income, company*) и многократный повтор местоимения *I*, имплицитно связывая успехи в экономике с собственным управлением компанией. Дейктическая конструкция *somebody running it that has an idea about money* содержит одновременно намек на отсутствие у его соперников понимания законов рынка и экономики и указание на собственную компетентность в данной области. Соответственно, тактика противопоставления позволяет одновременно защититься коммуниканту от нападок соперников и указать на собственные достоинства.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно говорить о том, что коммуникативная стратегия самозащиты позволяет не только отразить атаку оппонента, но и словесно атаковать соперника, дискредитируя его и положительно репрезентуя себя. С помощью различных тактических способов реализации данной коммуникативной стратегии можно оправдать себя перед избирателями, оспорить дискредитирующие заявления, высказать ответную критику в адрес оппонента, возмутиться услышанному и противопоставить себя сопернику.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Забело Т. В. Лингвистическая специфика политического дискурса // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: Материалы международной научной конференции 17-18 ноября 2011. М.: ИПК МГЛУ Рема, 2011. С. 111-112.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999.
3. Левенкова Е. Р. Контрастивный анализ национально-специфических концептов в институциональном политическом дискурсе Великобритании и США // Вестник ЧелГУ. 2010. №32. С. 62-70.
4. Тютюнова О. Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса: на материале немецких и русских телевизионных передач (Автореферат дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук). Волгоград, 2008.
5. Хлопотунов Я. Ю., Храмченко Д. С. Аксиологический аспект реализации конфронтационных коммуникативных стратегий в американском политическом дискурсе // Филологические науки в МГИМО. 2020. Т. 6. №4 (24). С. 65-74.
6. Хлопотунов Я. Ю. Конфронтационная коммуникативная стратегия самозащиты в американском политическом дискурсе. В сборнике: Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Орёл, 2020. С. 311–315.
7. Хлопотунов Я. Ю. Насмешка как тактика деструктивной речевой коммуникации в американском политическом дискурсе // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. Т. 1. № 2. С. 60-70.
8. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006.
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000.
10. Ivanov N. V., Pogoretskaya O. A. The phenomenon of fascination in political discourse (by Italian examples) // Training, Language and Culture. 2021. Volume 5 Issue 2. Pp. 9-21. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-9-21
11. Murashova E. P. The role of the cognitive metaphor in the hybridisation of marketing and political discourses: An analysis of English-language political advertising // Training, Language and Culture. 2021. Volume 5 Issue 2. Pp. 22-36. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-22-36

REFERENCES

1. Chernyavskaya, V.E. (2006). *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstviya* [Discourse of power and power of discourse: problems of verbal impact]. Moscow: Flinta: Nauka (in Russian).
2. Issers, O.S. (1999). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi*. [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Omsk.: Izd-vo Omsk. gos. un-ta [Omsk State University publishing house] (in Russian).
3. Ivanov, N. V., & Pogoretskaya, O. A. (2021). The phenomenon of fascination in political discourse (by Italian examples). *Training, Language and Culture*, 5(2), 9-21. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-9-21

4. Khlopotunov, Ya.Yu. (2019). Nasmeshka kak taktika destruktivnoj rechevoj kommunikacii v amerikanskom politicheskom diskurse [Mockery as a tactic of destructive verbal communication in American political discourse]. *Diskurs professional'noj kommunikacii [Professional Discourse and Communication]*, 1 (2), 60-70 (in Russian).
5. Khlopotunov, Ya.Yu. (2020). Konfrontacionnaya kommunikativnaya strategiya samozashchity v amerikanskom politicheskom diskurse [Confrontational communicative strategy of self-defense in American political discourse]. V sbornike: Yazyk. Kul'tura. Kommunikaciya: izuchenie i obuchenie. *Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (pp. 311-315) [Language. Culture. Communication: Teaching and Learning. *Proceedings of the 4th International Scientific Conference*]. Oryol (in Russian).
6. Khlopotunov, Ya.Yu., Khramchenko, D.S. (2020). Aksiologicheskij aspekt realizacii konfrontacionnyh kommunikativnyh strategij v amerikanskom politicheskom diskurse [Axiological aspect of confrontational communication strategies realization in American political discourse]. *Filologicheskie nauki v MGIMO [Philology in MGIMO]*, vol. 6, 4 (24), 65-74 (in Russian).
7. Levenkova, E.R. (2010). Kontrastivnyj analiz nacional'no-specificheskikh konceptov v institucional'nom politicheskom diskurse Velikobritanii i SSHA [Contrastive analysis of national specificity concepts in institutional political discourse of Great Britain and the USA]. *Vestnik ChelGU [Chelyabinsk State University Bulletin]*, 32, 62-70 (in Russian).
8. Murashova, E. P. (2021). The role of the cognitive metaphor in the hybridisation of marketing and political discourses: An analysis of English-language political advertising. *Training, Language and Culture*, 5(2), 22-36. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-22-36
9. Shejgal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]*. Volgograd: Peremena (in Russian).
10. Tyutyunova, O.N. (2008). *Kommunikativnye strategii i taktiki sudebnogo diskursa: na materiale nemeckih i russkih televizionnyh peredach: avtoref. dis. na soisk. uchen. stepeni kand. filol. nauk [Communicative strategies and tactics of judicial discourse: based on the material of German and Russian television broadcasts: abstract of the dissertation for Ph.D.]*. Volgograd (in Russian).
11. Zabelo, T.V. (2011). Lingvisticheskaya specifika politicheskogo diskursa [Linguistic specificity of political discourse]. *Diskurs kak social'naya deyatel'nost': priority i perspektivy: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 17-18 noyabrya 2011 [Discourse as social activity: priorities and perspectives: Proceedings of the international scientific conference 17-18 November 2011]* (pp. 111-112). Moscow: IPK MGLU Rema (in Russian).

Об авторе:

Хлопотунов Ярослав Юрьевич – аспирант кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия). Сфера научных и профессиональных интересов: функциональная лингвистика, прагматика, риторика.

E-mail: yktula17@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1079-9675

Получено: 17 февраля 2022 г.

Принято к публикации: 29 марта 2022 г.

LINGUISTIC METHODS OF IMPLEMENTING A COMMUNICATIVE STRATEGY OF SELF-DEFENSE IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

Yaroslav Y. Khlopotunov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

(Tula, Russia)

yktula17@gmail.com

Abstract: This paper aims to study linguistic techniques of the communicative strategy of self-defense as one of the confrontational communicative strategies of American political discourse. The relevance of the study is revealed in the transformation of modern American political rhetoric, the consequence of which is the intensification of conventionally destructive elements in American political rhetoric and the predominance of subjective-negative modality units in political speech. The communicative strategy of self-defense allows the communicant to divert negative information from themselves and move from a defensive position to an attack. The author analyzes various tactical ways of implementing a communicative strategy of self-defense, which include justification, challenging, retaliatory criticism (counter-accusation), indignation, and opposition. They include several linguistic means (lexical units with a negative evaluation, deictic constructions, spoken words, lexical repetitions, personal pronouns, gradation, etc.). This article examines the roles of participants in the speech act of confrontation. The following models of speech behavior can be distinguished: offensive (attack, provocation), defense (self-defense, reaction to provocation), and evaluation (based on observation of the conflict). Thanks to the implementation of the communicative strategy of self-defense, the transition of the communicant from defense to offensive is possible.

Keywords: confrontational communicative strategies, functional linguistics, political discourse, speech tactics, speech means, pragmalinguistics.

How to cite this article: Khlopotunov Y.Y. (2022). Linguistic Methods of Implementing a Communicative Strategy of Self-Defense in American Political Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 4(2), pp. 7–17. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2022-4-2-7-17>

About the author:

Yaroslav Y. Khlopotunov is PhD researcher (linguistics) at Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Department of foreign languages (Tula, Russia). Scientific interests: functional linguistics, pragmatics, rhetoric.

E-mail: yktula17@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1079-9675

Received: February 17, 2022.

Accepted: March 29, 2022.